

Заклинатель в погонах 2

Сергей Сериков

18+

Сергей Сери́ков

Заклинатель в погонах 2

«Автор»

2026

Сериков С.

Заклинатель в погонах 2 / С. Сериков — «Автор», 2026

Подмосковье, 90-е. Время малиновых пиджаков и блестящих «Мерседесов», время, когда рушится старый мир, а новый еще не обрел своих очертаний. Время тотального дефицита, когда за заветной колбасой выстраиваются очереди, а в воздухе витает предчувствие перемен. В этом бурлящем котле, в стенах скромного районного отдела милиции, служит оперуполномоченный лейтенант Мальцев. Но однажды в его тело, словно по воле неведомых сил, вселяется Аш-Шарим – древнейший маг, чьи корни уходят в глубины забытых эпох и далеких фэнтезийных миров. Вторая история, в которой Мальцев влюбляется в Юлю Селиванову и, пользуясь магическими навыками древнего мага, раскрывает ряд дел, выручает местного авторитета Михея, выиграв для него бой без правил, и, наконец, они с Юлей едут в отпуск в Крым.

© Сериков С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Заклинатель в погонах 2

Глава

Подмосковье, июнь 1990 год.

Городок Кубинск, затерянный на окраинах Подмосковья, не отмечался на туристических картах, не упоминался в путеводителях и даже в областных газетах появлялся лишь изредка — в скучных заметках о производственных планах, передовиках или субботниках у Дома культуры. Сюда не приезжали на отдых, не любовались старинными улочками и не фотографировались у памятников.

Рядом с главной площадью, где кружились голуби и трещал асфальт от июньского зноя, возвышался авто вокзал — некогда гордый, а ныне обветшалый, с вывеской «Кубинск», на которой краска облупилась, словно чешуя старой рыбы. У его крыльца кипел рынок: бабушки в платках, торговали укропом, петрушкой и солёными грибочками. Неподалёку хлебный магазин — вечно шумный, с очередью, что извивалась змеей, и с умопомрачительным запахом свежей выпечки.

Рядом — райотдел милиции с выцветшим гербом СССР, и Дом культуры, выстроенный ещё при Хрущёве, в те времена, когда в стране верили в светлое коммунистическое будущее. Местные, насмешливо и нежно, звали его просто Фазендой. В этом здании всегда пахло пылью, лаком для пола и чем-то безвозвратно ушедшим.

А на самой окраине в поле, стояли два завода. Их трубы, словно гигантские сигары, неустанно выдыхали в небо густой, серый дым, и казалось, что это город курит, задумчиво глядя вдаль, осматривая свои владения, как старый хозяин, сидящий на крыльце своего дома в сумеречный час.

Пятиэтажки вдоль улиц стояли серыми коробками вперемешку с редкими девяти этажными домами из красного кирпича, однообразные, как солдаты в строю. Между ними во дворах сушились выцветшие простыни, рылись в песочницах дети, а у подъездов громко ругались мужики в телогрейках. По утрам город наполнялся запахом угольного дыма, мокрого асфальта, дешёвого табака и подгоревшей каши.

Осенью город становился особенно унылым. Леса вокруг темнели и набухали сыростью, словно старые ватники, а дороги превращались в жидкую грязь. Автобусы с обречённым чавканьем месили её, а женщины в платках, с авоськами в руках, недовольно бурчали о погоде и жизни.

Зимой город засыпало снегом так, что у жителей возникали сомнения: хватит ли весеннего тепла, чтобы растопить эту массу, и успеют ли коммунальщики расчистить улицы до наступления оттепели. Весной же он всплывал из-под снега вместе с окурками, собачьими дерьмом и вечным обещанием, что скоро всё будет лучше.

Лейтенант уголовного розыска Виктор Мальцев был привязан к этому городу, но не любовью. Любовь была бы слишком громким словом для места, где в столовой разбавляли сметану водой, в магазине выбрасывали колбасу по четвергам, а участковый знал половину жителей своего участка по фамилиям, а вторую — по кличкам. Виктор был привязан к Кубинску, как человек привязан к большому зубу: постоянно чувствовал боль, ругал, но вырвать не мог.

И он был не одинок в своей обречённой привязанности. В теле Виктора Мальцева жили двое, вернее два разума.

Первым был лейтенант Виктор Павлович Мальцев, двадцати шести лет от роду. До того, как в него вселилась душа мага, он являл собой почти законченный образец провинциального раздолбая: любитель горячительных напитков, постоянных гулянок, хронического недосыпа и дешёвых приключений. Под окнами его дома стояла утомлённая годами «копейка» —

ВАЗ-2101, в которой, казалось, ещё держалась душа советского автопрома, но уже плохо держали тормоза.

Вторым был Аш-Шарим — Повелитель Молний, Хранитель Ключа от Врат Нараама, маг древнего мира из далёкой вселенной и которому некогда повиновались ветер, пламя и тени человеческих душ. В своём мире он стоял перед императорами, спорил с верховными жрецами и запирали демонов в бронзовые сосуды, на крышках которых выжигал печати забвения. Он видел города, чьи стены вздымались выше городских пятиэтажек Кубинска в десятки раз, и башни, касавшиеся облаков, словно пальцы спящих титанов. Перенос разума прошел не по плану, заклинание было произнесено магом не совсем верно на последнем выдохе после смертельного удара наёмного убийцы. Аш-Шарим промахнулся — не только телом, но и миром.

В первые дни маг решил, что всё же одержал победу: тело было занято, воля прежнего хозяина — подавлена, а мир, каким бы жалким он ни казался, открывал перед ним множество возможностей. За несколько дней он раскрыл несколько преступлений, влюбился в старлея следователя Юльку Селиванову которая к удивлению, всех ответила Виктору-Аш-Шариму взаимностью и заработал на подпольных боях огромную сумму для этого мира в американских рублях-около восемнадцати тысяч долларов.

Но уже через неделю из глубины сознания поднялся сам Виктор Мальцев — помятый, недовольный, с тяжёлым похмельным характером и неожиданно цепким желанием жить.

Сила Аш-Шарима в этом мире почти исчезла. Заклинания рассыпались, словно сухой песок меж пальцев; молнии больше не внимали его воле. Из всего прежнего могущества в его распоряжении осталось лишь несколько примитивных чар — жалких искр, которые он ещё мог разжечь на крохах своей уцелевшей маны.

Ему предстояло заново пройти путь мага. Но теперь — в куда более суровых условиях. В этом мире не было магии. Люди летали в небо на железных птицах, разговаривали через провода, подчинялись бумажкам с печатями и могли уничтожить город нажатием кнопки. Но при этом искренне считали магию сказками. Станный мир, здесь не было источников маны, что били бы ввысь длинными лучами силы, пронзая небеса, как в его родной реальности. Здесь всё было чужим, глухим, лишённым привычного дыхания стихий и магических потоков.

И потому великий маг, проглотив гордость и укротив ярость, был вынужден заключить договор с владельцем тела. Условия были просты.

Виктор не лезет без крайней надобности, не мешает и не устраивает бунтов в самый неподходящий момент.

Взамен АшШарим, пока пользуется его телом, продвигает лейтенанта Мальцева по службе, укрепляет его положение и открывает перед ним такие возможности, что даже в самых дерзких грёзах, навеянных редким просветлением после тяжёлого похмелья, Виктор Павлович не смел вообразить себе подобного взлёта.

Так в одном теле поселились офицер советского захолустья и маг из далёкой вселенной.

В этом мире магу уже пришлось ходить на разводы, писать рапорты. Стоять в очереди за туалетной бумагой и выслушивать, как начальник отдела, капитан Козин, орёт на него и подчинённых за плохую раскрываемость. Иногда Виктору казалось, что именно это было для древнего мага самым страшным наказанием. Не ад, не бездна, не проклятие врага. А понедельничная планёрка в районном отделе внутренних дел.

Аш-Шарим научился использовать то, что у него осталось от магии, несколько слабеньких заклинаний с минимум маны и работа у него пошла хорошо. Слишком хорошо.

Глухари, как известно, птицы упрямые. Сидят в архивах годами, пылятся, желтеют, покрываются резолюциями начальства и плесенью безнадёжности. Большинство оперов смотрит на них как на старые могилы: вроде и копать можно, да толку мало.

Виктор смотрел иначе. Он уже знал: даже мёртвое дело иногда шевелится. Надо только правильно к нему прикоснуться.

Наступил новый день Виктор со второго раза завел автомобиль и направился в РОВД.

У гастронома номер три уже с семи утра собрались люди. Выбросили колбасу — новость распространилась по городу быстрее милицейских ориентировок.

Мальцев проехал мимо очереди на своей красной «копейке» и усмехнулся.

— В вашем мире тоже стояли очереди? — подумал он.

— Конечно, — ответил голос в его голове.

— За едой?

— Нет, за правом посмотреть, как казнят министра финансов.

— Весёлое у вас было государство — произнёс Виктор, покачивая головой.

— Очень эффективное, только не государство, а королевство оно ещё существует, и я вернусь в свой мир чтобы отомстить. — невозмутимо заметил Аш-Шарим.

Виктор благоразумно не стал спорить с магом, чей возраст перевалил за тысячу лет, и бесследно растворился в глубинах их общего разума — в том укромном уголке, который Аш-Шарим отвел ему для отдыха, постижения знаний и освоения заклинаний первого порядка. Феноменальная память древнего чародея, слившись с его аурой, многократно усилила восприятие Виктора. К собственному изумлению, он ощутил в себе небывалую, почти болезненную жажду познания. Он впитывал информацию, словно губка, жадно пользуясь предоставленной базой, — но лишь той ее частью, что была доступна жителю мира, начисто лишённого магии и, что важнее, опустошенного неверием в нее.

Отдел уголовного розыска встретил Мальцева тишиной и тополиным пухом. На первом этаже постоянно пахло табаком и дешёвым клеем для линолеума.

Капитан Козин встретил Павла возле кабинета.

— Мальцев, зайди.

Это означало неприятности. Или работу. Обычно одно не исключало другого. На столе лежала толстая папка.

— Помнишь дело директора овощебазы? — спросил Козин.

— Которого зарезали в восемьдесят шестом? — уточнил Виктор.

— Его самого.

— Глухарь, — произнёс Виктор.

— Был глухарь, — согласился капитан. — Обком требует результата.

— Через четыре года? — удивился Павел.

— Через четыре года, — подтвердил Козин. — Вовремя спохватились.

Капитан усмехнулся, но в его глазах мелькнула тень усталости.

— Ты у нас теперь специалист по глухарям. Разбирайся.

Виктор взял папку и сел за стол. Убийство выглядело странным. Директор овощебазы погиб вечером возле собственного дома. Три ножевых удара. Кошелёк на месте. Часы на месте. Документы на месте. Обычное ограбление сразу отпадало. Подозреваемых проверили ещё тогда, но ничего не нашли.

Мальцев несколько часов просматривал материалы: протоколы, фотографии, показания. И неожиданно остановился. Одна деталь не давала ему покоя. За три месяца до убийства директор неоднократно ездил в Москву. Часто. Без объяснений. Для обычного руководителя районного масштаба это выглядело необычно.

Вечером Виктор отправился на овощебазу. Старые склады встретили его запахом картошки, сырости и гнилой капусты. Заведующий складом долго вспоминал события четырёх-летней давности, а потом сказал:

— Был один парень. Крутился возле директора. Кооператор какой-то.

— Кооператор? — переспросил Виктор.

— Да, — подтвердил заведующий.

Слово «кооператор» звучало привычно. Но тогда, в начале перестройки, кооператоры только начинали появляться. Для половины страны они были будущим, для другой — почти преступниками.

След оказался интересным. Аш-Шарим решил использовать магию.

Ментально просканировал воспоминания заведующего складом, овощебазы который как оказалось был свидетелем сделки и увидел почти не смазанные картинки образы.

Вот молодой мужчина брюнет кепке аэродроме и в дорогом кожаном плаще — редкость по тем временам. Вот на стол ложится папка. Потом деньги

Много денег. Затем страх. Очень сильный страх.

Видение оборвалось.

— Коррупция, — коротко сказал Аш -Шарим.

— У нас это называется иначе, — заметил Мальцев.

— Как же?

— Хозяйственные нарушения.

Мальцев расхохотался — коротко, зло, под удивлённым взглядом заведующего складом и эхо его смеха прокатилось по складу, отразившись от бетонных стен, как далёкие раскаты грома.

— Расскажешь всё про человека, которого видел здесь за неделю до убийства, директора, — Виктор заговорил ровным, безразличным голосом, будто речь шла о погоде, — это брюнет, Кавказец, кепка-аэродром, чёрный плащ. Итальянский, надо полагать. Тогда пойдёшь свидетелем.

Заведующий вздрогнул, помолчал. Десять секунд, не больше — но за эти секунды в его голове прокрутилось всё: срок, который светит за молчание, и срок, который уменьшится за сотрудничество. Он вздохнул — тяжело, и начал говорить.

Заведующий говорил долго. Он говорил обо всём — о поставках, о накладных, о том, кто и когда приезжал за товаром. Опер слушал, изредка кивая, и делал пометки в блокноте, исписанном до того густо, что буквы накладывались друг на друга, как перепутанные нити.

— Главный приезжал сам, — голос заведующего стал тише, словно он боялся, что стены могут услышать. — Один раз. Зимой.

— Когда именно?

— Декабрь. Кажется, двадцатых чисел.

— Рост?

— Выше меня. Худой. Говорил мало.

Виктор поднял глаза от блокнота. Его взгляд, обычно рассеянный, на этом человеке задержался.

— Что ещё запомнилось?

Заведующий замялся. Помолчал несколько секунд, крутя в пальцах авторучку — явно нервная привычка.

— Шрам. На правой руке. От запястья до локтя. Он его не прятал, носил рукава закатаны. Как будто хотел, чтобы видели.

Виктор записал. Добавил к себе в блокнот подчеркнутую дважды дату.

— На сегодня всё! — сказал он, захлопывая блокнот. — Но не уезжай из города. Понадобись ещё.

Заведующий поднялся — тяжело, с хрустом в спине — подошёл к окну на подоконнике стоял графин с водой, два гранёных стакана и налил себе воды.

Мальцев сунул блокнот в карман и направился к узкой двери в торце склада. За спиной остался кислый запах подгнившей капусты, мокрых деревянных ящиков и той особой складской пыли, что въедается в одежду не хуже табачного дыма.

До РОВД Виктор добрался уже к концу рабочего дня. Пока ехал в голове у него, как костяшки на счётах, перекатывались факты: убийство директора овоще базы, складские недостачи, странная расторопность некоторых свидетелей и, главное, новый опрос — тот самый, который мог перевернуть дело.

В отделе было душно, накурено и шумно. Где-то трещала пишущая машинка, в дежурке звякал телефон, в коридоре ругался задержанный, доказывая, что он «не хулиган, а культурно отдыхал». Мальцев прошёл к себе, кинул ключи от копейки на край стола, сел и принялся писать рапорт начальнику отдела. Стержень шариковой ручки царапал бумагу зло и быстро.

Он изложил всё сухо, как полагалось: «Прошу привлечь к проверке по делу об убийстве директора овоще базы сотрудников ОБХСС и следователей в связи с вновь открывшимися обстоятельствами» Отдельным пунктом — данные опроса главного свидетеля, с указанием времени, места и деталей, которые пока знал только он да этот перепуганный человек, видевший больше, чем хотел.

Поставив подпись, Мальцев глянул на часы — и ругнулся сквозь зубы.

— Вот же чёрт

До назначенного времени он уже опоздал. Причём не на допрос и не на адрес — на свидание. А это, как подсказывал ему опыт, преступление куда более тяжкое.

Он сунул рапорт в папку, оставил на столе у секретаря и почти сорвался к выходу. На стоянке возле РОВД сиротливо краснела его «копейка» — старенькая, но бодрая, с чуть помятым крылом и гордым характером рабочей лошади. Рядом стояла Юлька.

Форма старлея сидела на ней безупречно, подчёркивая стройность фигуры, а взгляд был таким, что Виктор невольно ощутил себя осуждённым: приговор уже вынесен, вопрос лишь в том, какой будет мера наказания — Мальцев, — улыбнулась она, хотя глаза оставались укоризненными, — ты в своём репертуаре. Постоянно опаздываешь. Даже на свидание!

— Виноват, готов загладить свою вину — сказал он, открывая дверцу. — Неоднократно. Милая.

Юлька фыркнула, но села. «Копейка» кашлянула, вздрогнула и завелась. Радио в салоне шипело, ловя то обрывок песни, то голос диктора, сообщавшего о надоях и трудовых успехах. Город катился мимо — витрины с одинаковыми манекенами, очередь у гастронома, редкие «Волги», трамваи, грохочущие на стыках, женщины с авоськами и мальчишки, гоняющие мяч прямо во дворе между песочницами и бельём на верёвках.

Сначала они заехали к Юле. Дом её стоял в старом районе — пятиэтажка с облупленным подъездом, где пахло кошками, варёной картошкой и сыростью. Юлька велела ему ждать в машине, а сама взлетела по лестнице так быстро, будто у неё за спиной выросли крылья.

Минут через пятнадцать она вернулась другой. В тёмном платье, простом, но сидевшем так, что Виктор на секунду забыл, как дышать. Волосы она уложила иначе, губы чуть подкрасила, и вся стала какой-то праздничной — обычный серый вечер вдруг получил право называться событием.

Она села в машину, захлопнула дверцу и, не говоря ни слова, наклонилась к Виктору. Поцелуй вышел долгий, тёплый, смачный — такой, от которого во рту остался привкус летнего мёда, а в висках зашумело так сладко, будто он выпил залпом целый бокал старого терпкого вина.

— Это тебе привет от мамы — сказала Юлька, отстранившись.

— Ничего себе приветик

— Она начала сама ходить. Благодаря твоему вьетнамскому массажу. Вчера до поликлиники дошла. Врачи не поверили. А главврач просил свести его с магом, который сотворил это чудо. — Юля смотрела на него сияющими глазами. — Ты что, маг?

Ещё неделю назад она, может, прошла бы мимо него по коридору и не заметила. А теперь смотрела так, будто в нём открылось что-то огромное, странное и нужное ей одной.

Виктор усмехнулся.

— А ты ещё сомневаешься? В том мире, из которого я прибыл, меня звали великий маг Аш-Шарим.

Юлька ткнула его кулачком в плечо и звонко рассмеялась.

— Поехали уже, шутник. Великий маг Аш-Шарим.

Потом они прокатились до квартиры Мальцева. Его дом был такой же, как тысячи по стране: подъезд с лампочкой в железной сетке, почтовые ящики, исписанные фамилиями жильцов, запах табака и жареного лука. В квартире — книжная полка, диван, ковёр на стене, стол, заваленный бумагами, и тренога торшера, который светил жёлтым, домашним светом.

Виктор переоделся быстро: чистая рубашка, тёмный пиджак, брюки со стрелками. Перед выходом задержался у шкафа и достал маленький самодельный кулон амулет — флакончик из-под духов, укрепленный на шнурке. Внутри тяжело перекачивалась ртуть, тускло блестя в стекле. Досталась она ему непросто: пришлось обойти несколько аптек и выкупить такое количество градусников, что одна аптекарша долго смотрела вслед, явно решая, не сообщить ли куда следует о странном покупателе. Но вещь работала. В этом мире магия давалась Виктору ту же, чем дыхание под водой, любой усилитель маны был дороже золота.

Он спрятал амулет под рубашку. Холодок лёг на грудь, будто маленький ледяной палец.

— Готов? — спросила Юля.

— Теперь да.

Кафе «Джаз» располагалось почти в центре города, дорога заняла пятнадцать минут. У дверей толпились курильщики, пахло папиросами, духами «Красная Москва», раскаленным асфальтом и жареным мясом. Внутри былолюдно. Столики накрыты белыми скатертями; на стенах висели афиши ансамблей и пожелтевшие фотографии музыкантов с саксофонами.

Сегодня действительно был живой звук. На маленькой сцене четверо музыкантов настраивали инструменты: контрабасист щипал струны, пианист тихо наигрывал мелодию, барабанщик лениво крутил палочки в пальцах, саксофонист продувал мундштук. В зале стоял гул голосов, смеха, звона бокалов. Официантки в чёрных платьях с белыми передниками скользили между столиками, неся салаты, котлеты по-киевски, бутылки «Советского шампанского» и графины с водкой.

Виктор с Юлей заняли столик у стены, откуда было видно и сцену, и вход. Привычка. Мальцев никогда не садился спиной к двери — ни в этом мире, ни в каком другом.

Они заказали салат, горячее, бутылку вина. Юлька смеялась, рассказывала про работу, про соседку, которая третий день караулит в магазине венгерские сапоги, и про мать, которая теперь ходит по комнате и грозитя навести порядок во всей квартире, раз уж ноги снова слышатся.

Виктор слушал и думал, что ради таких минут можно было терпеть всё: трупы на складах, лживые показания, прокурорские окрики, даже этот мир с его очередями, дефицитом и вечным серым небом.

Однако мир, по своему обыкновению, не позволял человеку оставаться в покое. К их столику подошёл кавказец — крепкий, черноволосый, в модной кожаной куртке, с лицом разогретым вином и самоуверенностью. Он смотрел только на Юлю.

— Красавица, пойдём к нам за стол. Там весело.

Юлька вежливо улыбнулась:

— Спасибо, я не одна.

Кавказец даже не взглянул на Мальцева.

— Такой красивой девушке нельзя скучать.

— Она не скучает, — спокойно сказал Виктор.

Тот наконец перевёл на него глаза — лениво, как на мебель.

— Я с девушкой говорю.

— А я с тобой. Девушка сказала: нет.

Кавказец усмехнулся и ушёл. Но ненадолго. Через десять минут он вернулся снова, уже с более настойчивой улыбкой. Потом ещё раз. За его столиком сидели трое приятелей, поглядывали, переговаривались, хохотали.

Когда он подошёл в четвёртый раз и попытался взять Юлю за руку, Виктор поднялся.

— Юль, останься здесь.

— Витя

— Всё нормально.

Он посмотрел на кавказца.

— Пойдём выйдем. Поговорим там, где музыке мешать не будем.

Тот оживился, будто только этого и ждал.

— Пойдём.

Задний двор кафе был обычным для таких заведений: мусорные баки, пустые ящики, кучка мусора у стены, тусклая лампа над служебной дверью. Здесь, среди запаха помоев и табака, часто выясняли, кто мужчина, а кто зря надел кожаную куртку.

Следом за Виктором вышли четверо.

Мальцев снял пиджак и аккуратно повесил на торчащий в щите пожарной безопасности гвоздь.

— Ну? — сказал первый.

Виктор почувствовал, как холодный флакончик на груди будто потеплел. Мир вокруг стал чётче: хруст камушков под ботинками, дыхание противников, движение плеча перед ударом.

Первый пошёл резко, с правой. Виктор шагнул немного влево, ударил ребром ладони по запястью, локтем — в солнечное сплетение. Тот согнулся, и колено Виктора встретило его подбородок. Хрустнуло глухо, как ломается сырая ветка.

Второй попытался зайти сбоку. Виктор развернулся, пропуская удар мимо, подсёк ногу и ладонью толкнул в грудь. Не сильно — но с тем внутренним посылом, которому учили не в советской секции самбо, а в далёких залах мира Аш-Шарима, где каменные плиты помнили кровь смертельных поединков. Кавказец отлетел к бакам и сел на землю, не понимая, почему ноги больше не держат.

Третий достал нож.

Лезвие блеснуло. Виктор вздохнул — почти с сожалением. Два коротких движения: захват кисти, поворот, удар большим пальцем в нервный узел у локтя. Нож звякнул о землю. Следом хрустнула рука. Человек завыл, но Виктор уже отпустил его, потому что четвёртый бросился сзади.

Не оборачиваясь, Мальцев присел, поймал его за рукав, потянул через себя. Тело перелетело через плечо и грохнулось на землю так, что воздух вышибло из лёгких вместе с храбростью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.